

Лаура Дейв

ЛОНДОН –
ЛУЧШИЙ ГОРОД
АМЕРИКИ

Лаура Дейв Лондон – лучший город Америки

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8554969
Лондон – лучший город Америки / Лаура Дейв: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70195-7*

Аннотация

С самого детства Эмми была упрямой мечтательницей. Она твердо верила, что лучший город Америки – Лондон, и никто не мог ее переубедить. Повзрослев, Эмми не утратила ни наивности, ни упрямства, ни мечтательности. Когда она рассталась с любимым, но разлюбившим ее человеком, то сбежала от всех проблем в маленький приморский городок, изобрела себе удобную мечту и поверила в нее.

Эмми ни за что не выбралась бы из своей раковины, но ее брату нужна поддержка и помощь взрослого, рассудительного человека: Джордж окончательно запутался в своих чувствах к невесте.

Пришло время расстаться с детскими мечтами?

Или по-прежнему жить с собственным глобусом, где Лондон находится в Америке?

Мы собрали для вас самые разные истории – забавные и серьезные, похожие на запутанный лабиринт или на шкатулку с хитрым секретом, но неизменно – трогательные и романтические. В героинях вы узнаете себя – ведь в жизни каждой женщины случались радости и разочарования, встречи и разлуки, пылкие романы и предательства.

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лаура Дейв

Лондон – лучший город Америки

Посвящается моим родителям и брату

Laura Dave
London is the best city in America

Перевод Елены Тихомировой
Редактор О. Кутуев

От автора

Если вы ненадолго, я готова ждать вас всю жизнь!
Оскар Уайльд

Выражаю сердечную благодарность моим редакторам Кароль де Санти и Молли Бартон, агенту Гейл Хохман, а также Дане Форман, первому другу этой книги, – за глубокое понимание, мудрые советы и веру в меня.

Также я хочу поблагодарить многих и многих людей.

Звезд издательского дела: Сильви Рабино, Бину Камлани, Кэролин Коулберн, Нэнси Шеппард и Кэролин Хорст из «Viking», Марианну Мерола и Джоан Браунстайн из «Brandt and Hochman», а также Гвин Льюри.

Моих мудрых всезнающих советников: Гейл Уолш, Рика Блэнчарда, Билла Дитмара из «Bully Boy Bullmastiffs», Кэмрин Криски, чудесных преподавателей из Университета Виргинии и Университета Пенсильвании, Джереми Черча – лучшего рыбака на свете.

Моих незабываемых первых читателей: Элизабет Вайнстайн, Джулию Фаркас, Джессику Борер, Ника Бреслоу, Шенан Русс и Бена Тишлера.

Мою группу поддержки: Бена Крамера, Кэролин Мэри Дженек, Мег Блэвинс, Вики Брэнд, Бонни Карраба, Эндрю Коэна, Брэтта Формана, Дженни Кеннеди, Дженни Лапидус, Дот Ласки, Кейтлин Лэффел, Лизу Менитофф, Уитни Пеллегрини, Мелиссу Райс, Бекку Ричардс, Джилл Шварцман, Кортни Сибринг, Шону Сили, Джоша Уфберга и Мэгги Вайнинг.

Книга написана также благодаря университетским стипендиям Генри Хойнса и Теннесси Вильямса, PR-агентству «Jody Donohue Associates», отелю «Ventana Inn» в Биг-Сюр, кафе «The Writers Room» и «71 Irving», а также моим великолепным редакторам в «Self Magazine» и «ESPN the Magazine».

Наррагансетт, Род-Айленд

Если бы он до нее хотя бы дотронулся, она бы не ушла. Если бы повернулся к ней, положил руку на бедро или колено, если бы обнял, уткнулся губами в шею, прижался всем телом – бедро к бедру, рука на талии, ладонь на животе, щека у плеча, – Эмми осталась бы с ним. Если бы он хоть что-то сделал, то не проснулся бы здесь один.

Здесь – это в мотеле на южной оконечности Род-Айленда, где будущие жених и невеста остановились на ночь по дороге к его родителям в Мэн. Пятница накануне Дня независимости, впереди длинные выходные. Уже ранним утром стояла жара под сорок. Изначально планировалось быть дома к вечеру, но они выехали из Нью-Йорка слишком поздно: Эмми задержалась на встрече с организатором свадьбы. Мэтт рассердился, у Эмми тоже были основания сердиться: разве он забыл, что она и не хотела большой свадьбы? Эмми мечтала о скромной церемонии у моря, на скале, где только двое, ветер, солнце, синий океан и красноватая равнина с мелкими точками домов, растворяющихся в пустынной дали.

Эмми перевернулась на спину. На потолке прямо над ней был датчик пожарной сигнализации. Рядом лежал дистанционный пульт от телевизора – между ней и Мэттом. Мэтт спал лежа на спине. Он бы не проснулся, даже если бы Эмми включила телевизор. Даже если бы оделась и ушла... за колой. Даже если бы не вернулась... посидела бы у бассейна с банкой колы в руке.

Когда Мэтт наконец проснется и увидит, что Эмми нет, он не удивится, разве что самую малость, не бросится на поиски. Он будет ждать. Спокойно примет душ, включит

радио, узнает обстановку на дороге, позвонит родителям, сообщит, во сколько планирует быть дома. Просто будет ждать.

Раньше все было иначе. Эмми помнила, как было раньше. Еще можно уйти и поставить точку. Так лучше, честнее... Мэтт стал чужим. Лучше уйти, прекратить все, пока не поздно. Зачем тянуть? Мэтт женится не потому, что все еще любит, а потому, что она всегда была рядом. В последние месяцы он по-прежнему приезжал, ночевал, интересовался, водил в кафе, кино... однако Эмми знала его слишком хорошо, она не могла не заметить, что Мэтт ее больше не любит. Конечно, можно было надеяться, что все еще наладится. Жить, обманывая себя. И тогда все осталось бы, как есть. Мэтт был бы с ней, – но и чувство, что его нет рядом, никуда бы не ушло.

А если уйти самой? Прямо сейчас?.. Он придет к родителям без нее, ему придется отвечать на расспросы. Он никогда ей этого не простит.

В 6:00 Мэтт перевернулся на бок, спиной к Эмми. Она пошла в ванную, почистила зубы, умылась, собрала волосы в узел на затылке. У нее были длинные каштановые волосы. Эмми мыла их конским шампунем, чтобы сделать мягче. Оделась. Выбирать не стала, взяла вчерашний персиковый сарафан. С бледной кожей лучше смотрелся бы синий, красный, цвет слоновой кости, но персиковый так персиковый.

Чемодан уже был упакован. Эмми оставила ключи от машины и с чемоданом в руке спустилась к стойке администратора. Следовало оставить Мэтту записку, однако Эмми не знала, что написать, поэтому попросила запасной ключ и вернулась в номер. Там она сняла персиковый сарафан и снова легла в кровать.

Теперь они лежали лицом к лицу.

Около девяти его ресницы дрогнули, и он уставился на Эмми. Зеленые, непонимающие глаза.

Эмми погладила его по щеке, сначала тыльной стороной, потом подушечками пальцев.

– Сегодня обещают дождь. Ты знал? – спросила она. Мэтт отрицательно покачал головой и зевнул. – Скоро начнется. Настоящий ливень. Зато станет прохладней.

Мэтт кивнул, его глаза уже начали слипаться. Ну конечно. Еще не проснулся. Он проснется окончательно только с третьей или четвертой попытки. А Эмми уже не будет.

Она сняла кольцо, которое он подарил ей на помолвку, положила на подушку, потом опять встала, оделась, взяла чемодан. И ушла. На этот раз навсегда.

Часть первая

Три года спустя

Главный причал на мысе Джудит, что в штате Род-Айленд, длинный и узкий. По утрам на нем толпятся провожающие, они еще долго машут вслед уходящим судам, даже когда те скроются из вида. Говорят, что долгие проводы приносят рыбакам удачу. Однако по пятницам, когда в море выходит Джесс О'Брайен, можно увидеть и другую картину. Его подружка Бетси помашет минутку – и бежит по своим делам, как ни в чем не бывало. Джесс остается смотреть ей вслед. Это она уходит, а не он. Все наоборот.

Я не раз наблюдала за Бетси из подсобки магазина рыболовных товаров. Оттуда открывался фантастический вид на причал, величественные шхуны и серо-голубой океан. А вот из-за прилавка панорама была тоскливей: пыльное шоссе, мусор, линии электропередач и мотель, из которого я ушла ровно три года назад.

Ушла я недалеко. Свернула с шоссе налево на Саут-Пир-роуд, потом еще раз налево, на Оушн-роуд, и оказалась в самом центре Наррагансетта, у главной площади и набережной. Там я нашла другой мотель и сняла номер, оплатив на неделю вперед. В номере приняла душ и тихо легла на пол, не зная, как быть дальше.

В конце концов я вышла на улицу и отправилась бродить к океану. Как символично, что, «потерпев в своей жизни кораблекрушение», я очутилась на берегу. Словно меня вынесли сюда волны. Что делать? Жить дальше. Я осталась в Наррагансетте, и жизнь пошла своим чередом.

Через пару дней нашлось бесплатное жилье: нужно было присматривать за пустующим домом. Он располагался на главной улице Наррагансетта, Бостон-Нек-роуд, которая ведет от автотрассы до самого центра. Конечно, не домик у моря, но тоже неплохо. 300 квадратных метров, пустые комнаты, несложные обязанности по дому. Большую часть времени я была предоставлена сама себе и почти никуда не выходила, только в магазин рыболовных товаров, где работала по утрам «ассистентом менеджера», что на деле означало помощником продавца (он же хозяин), других наемных работников в магазинчике не было. Дела шли скромно. Владельцы помпезных яхт покупали снаряжение в более престижной части города, в известном на весь полуостров магазине-ресторане.

Смена закончилась, Бетси давно убежала от Джесса, а я по-прежнему сидела в подсобке. Все лучше, чем двигаться навстречу предстоящему событию, которое я пометила в календаре маленькими, очень маленькими буквами «НЙ». 4-е июля, День независимости, визит к родителям.

– Эй, Манхэттен!

На пороге подсобки стоял Бобби, желчный, но вполне сносный старикашка шестидесяти семи лет от роду, мой работодатель. В первый же день работы он прозвал меня Манхэттен, но в остальном относился по-божески. Я единственная, кто его не раздражал. А раздражали его все, особенно немногочисленные постоянные покупатели: это они не давали ему уйти на заслуженный отдых. Бобби ворчал, что хочет закрыть магазин, еще с тех пор, когда жена вернулась к нему в первый раз. Теперь они уже были трижды женаты, а торговля удочками и прочей мелочью шла все так же худо-бедно, как и много лет назад. Что ни неделя Бобби говорил, что мне пора искать себе новую работу. Что ни день он обещал, что магазин скоро закрывается.

– Разве тебе не надо к родителям?

Ну что сказать? Надо. Точно надо.

– Как раз думаю об этом, – ответила я.

У Джоша, моего старшего брата, свадьба. Меня ждут дома, в пригороде Нью-Йорка, где я выросла и почти не бывала последние три года. Будут бесконечные расспросы. Как дела на личном фронте? А когда на *твоей* свадьбе погуляем? Что будешь делать *после* Род-Айленда? И собственно почему ты все еще там?

– Тогда думай за прилавком. У нас аншлаг, – желчно заявил Бобби.

Аншлаг – это когда больше двух покупателей одновременно. В магазине стояло трое, в том числе юная официантка из того самого рыбного ресторана-магазина. Она часто заглядывала к нам во время перерыва. Непонятно зачем. За три года она не купила даже леденца.

Впрочем, не мне судить. Мое пристрастие к этому магазину и захолустному рыбацкому поселку тоже не все понимали. Специально для любопытных (и, может быть, для самой себя) я нашла благовидное объяснение: я осталась в Наррагансетте для того, чтобы снять документальный фильм о женах рыбаков и о том, как они живут без мужей, когда те уходят в море.

Поначалу идея казалась удачной, однако завершение работы над фильмом отодвигалось все дальше и дальше. Поначалу я хотела опросить четырех, максимум пять жен.

К моменту отъезда я работала с женой № 107.

По последним подсчетам.

У меня в голове все перепуталось. Я перестала различать, кто есть кто. Лица и биографические данные слились в единую массу: светлые волосы стали темными, курение сменилось грызением ногтей, татуировки – очками. Три Энни, четыре Джен, шесть Кристин, одна Дейзи, семь Джил, две Лорен, четыре Линды, три Гейл, пять Джози, три Нины, четыре Терезы, одна Кэрри, пять Николь, шесть Эмили, восемь Мэгги, четыре Дианы, три Кристи, две Сью, четыре Бет, девять Джули, три Мары, семь Люси, две Джун, пять Кейт, две Лорны, четыре Сары. Я перестала видеть отдельных людей, я перестала слышать, что они мне говорят.

Я видела только Мэтта.

Бобби переступил с ноги на ногу.

– Знаешь, Манхэттен, езжай-ка ты домой. Пропустишь свою свадьбу.

Часы на стене показывали 3:35. Через четыре часа десять минут Джош будет ждать меня у центрального городского бассейна. Еще через пятнадцать минут начнется салют. Я обещала Джошу и родителям, что приеду. Учитывая неизбежные пробки накануне выходных, если я не выеду прямо сейчас, придется оправдываться еще и за опоздание.

Парковку за магазином можно пройти за сорок восемь секунд. Знаю, потому что считала, пока шла к машине: девять шагов, быстро закрыть дверцу, поправить зеркало заднего обзора, пристегнуться. Подсчет помог отвлечься от предстоящего, но, увидев на заднем сиденье гору сумок, почти все мои пожитки, я снова впала в ступор – вдруг забыла что-то важное? Что-то такое, без чего дома не поверят, что у меня все хорошо. Что их убедит? Бордовый свитерок с короткими рукавами? Вряд ли.

Выезжая с парковки, я чуть не въехала в красный «вольво»-универсал Джун Мартин (Джун № 2). Во всех окнах торчал детский хлам: автокресла, мягкие игрушки, шарики, конфетные обертки.

У Джун три дочери: Дана, Кэролин и Холли. Завтра у младшей день рождения: Джун вручила мне приглашение еще на прошлой неделе. Оно так и лежало в бардачке – розовое, с блестками, как подарок феи, талон на исполнение желания.

Если жалеешь, что не сможешь пойти на детский день рождения, значит, твоя жизнь сложилась далеко не так хорошо, как хотелось.

– Тебе туда? – Джун махнула в сторону моего дома и уступила дорогу для поворота направо.

Я кивнула в другую сторону – в сторону автотрассы и Нью-Йорка. Очень неохотно.

– Мне туда, – проговорила я одними губами и жизнерадостно помахала на прощанье. Джун ответила, и я поехала.

Домой.

Когда возвращаешься домой, ждешь чего-то особенного.

По жизни обычно не знаешь, что именно станет особенным. В памяти отпечатывается совсем не то, что кажется важным в данный момент. Только иногда особенные ситуации можно предугадать, если очень постараться.

Четвертого июля мы всегда ходили смотреть салют на одно и то же место. В Скарсдейле все собирались у центрального бассейна, иных вариантов особо не было. Сегодня все шло, как обычно. Мы с Джошем сидели на пригорке; бассейн и основное столпотворение остались внизу. Я впитывала в себя красоту огней, прозрачность неба, свежесть воздуха, радость образцово-показательного семейства по соседству. В какой-то момент все стало отчетливей и ярче. Появилось странное ощущение, будто сейчас что-то произойдет, будто я запомню следующее мгновение на всю жизнь. Меня коснулось нечто вроде дыхания вечности.

Захотелось встать и уйти. Меня никто не тащил сюда силком. Я сама захотела окунуться в прошлое, вновь увидеть огни на темном небе, праздничную толпу, поесть хот-догов, но среди всеобщего веселья начинает казаться, что мир лучше, чем на самом деле, и можно ляпнуть что-то такое, о чем потом пожалеешь.

О чем Джош наверняка пожалел.

Я смотрела на салют и жевала хот-дог, когда послышалось:

– Что-то я сомневаюсь... Я про свадьбу.

Я в недоумении уставилась на брата. Он задумчиво жевал хот-дог и глядел в другую сторону. Я чуть было не решила, что послышалось. В смысле, ну кто, сказав такое, тут же примется за хот-дог?! Только сумасшедший. Мой брат не сумасшедший. Или я не заметила.

– Эмми. – Сейчас Джош обратился ко мне напрямую. Он позвал меня, как в детстве, растягивая «м» и сокращая мое имя до одной этой буквы. – Так и будешь делать вид, что ничего не слышала?

– Ты ел хот-дог.

– Это было потом. Не делай вид, что ничего не произошло.

Он сам в детстве научил меня игнорировать то, чего не хочешь. К примеру, школу. Если никто не будет говорить о школе, готовиться к новому учебному году, то лето будет длиться вечно, и в школу никто не пойдет. Гениально.

Я отложила хот-дог и вытерла руки о джинсы.

– Ладно, Джош, внимательно слушаю.

– Я люблю Мерил и все такое, но есть одна большая проблема.

Не выпуская колы и хот-дога, Джош очертил в воздухе прямоугольник, что привлекло внимание маленькой девочки из счастливого семейства по соседству. Она посмотрела на Джоша, как на инопланетянина, и я попыталась увидеть своего старшего брата ее глазами. Босой дядя в грязной бейсбольной кепке. А в моих глазах он сейчас сам был маленьким ребенком, которому однако через месяц стукнет тридцать один и который через пару дней станет чьим-то мужем. Не чьим-то, а девушки, которую я хорошо знаю и люблю, но какая разница, что я про нее думаю, если Джош передумал жениться.

– Джош, у этой твоей проблемы есть имя?

Он не ответил, и я стала надеяться, что ошиблась. Нет другой женщины. Нет серьезной угрозы его браку с Мерил.

– Элизабет, – произнес Джош после продолжительной паузы.

У меня буквально оборвалось сердце. Заныло в груди. Элизабет. Какая-то неизвестная женщина, о которой я слышу впервые. Мы мало общались в последние годы: Джош жил

целый год один в Бостоне, потом переехал к Мерил в Лос-Анджелес. Если я ни разу не слышала о той женщине, дело серьезно.

– Элизабет?

– Элизабет, да. Элизабет.

Джош прятал взгляд, и я не стала давить, отвернувшись к бассейну. Вокруг бассейна установили оранжевое ограждение, чтобы никто не упал в воду. Или не бросился... В тот год, когда Джош познакомил Мерил с семьей, мы приезжали сюда купаться. Мерил была в невероятно стильном зеленом купальнике, оголяющем узкую полоску на спине. Она казалась существом из другого мира.

– Она не знает? Так, Джош?

– Мерил? – Он покачал головой. – Вряд ли.

– Ты уверен?

– Да.

Я не знала, что сказать. Безумие какое-то. Мерил попросила меня быть ее подружкой на свадьбе. Джош одобрил мои старания принарядиться: я купила длинное синее платье на узких лямках, нитку жемчуга, которую больше надеть некуда, и заколки в виде лилий.

– Хочешь пиццы? – спросил он. – Схожу в киоск, а потом можно и домой. А, еще надо захватить колы.

– Думаешь, киоск работает?

– Может быть.

Джош встал. Я продолжала смотреть на него, прикрыв глаза от ярких вспышек на ночном небе. У меня был миллион вопросов, но я боялась услышать ответы.

– Что? – спросил он.

– Не знаю, почему ты так уверен, что она ничего не знает.

– Хватит об этом, – резко ответил Джош.

Он не любил разочаровывать других. Наверное, отчасти поэтому и попал в теперешнюю ситуацию. Джош никому не отказывал, даже во вред себе.

Он снова сел рядом, и я пояснила:

– Я просто хочу понять.

– Что именно?

– Как так получилось.

Джош молча лег на траву и закрыл глаза рукой. Я пихнула его в бок.

– Джош, вставай. Как же пицца?

Он покачал головой.

– Больше не хочется.

– Не хочется?

– Нет.

– А чего же тебе хочется?

– Чего-то еще.

Говорят, в каждой семье у одного из детей все получается лучше, чем у остальных братьев и сестер. И неважно, насколько лучше, главное, что он преуспевает во всем, за что бы ни взялся. Думаю, обычно это старший ребенок. Его жизненный путь кажется более ровным и предсказуемым, и ему с рождения дано больше, чем младшим. Неудивительно, что они потом становятся музыкантами, поэтами, писателями, художниками, танцорами. Младшими были Джойс, Твен, Остин, Барышников. Значит, они тоже не знали, как выжить в постоянной гонке за старшими братьями и сестрами? Тоже понимали, что им никогда в ней не выиграть?

Я и не надеялась догнать Джоша. Он опережал меня во всем. Отлично учился, был звездой бейсбольной команды в школе и университете, общался с самыми популярными

девчонками и парнями. Еще он всегда знал, кем станет. Если его планы и менялись, то незначительно. Сначала он хотел быть педиатром, потом нейрохирургом, потом – снова педиатром. И все. Ему не приходило в голову ничего вздорного, он не мечтал уехать с цирком или сорваться на Аляску. Уже в пятнадцать Джош начал готовиться к будущей карьере: записался на курс психологии в местном колледже. Психология понадобится будущему педиатру, важно говорил Джош гостям наших родителей. Образцовый ребенок. И с Мерил у них все было, как у нормальных людей: встретились во время учебы в колледже и с тех пор вместе.

Мои отношения с парнями были чуть более сложными и запутанными. Как и вся моя жизнь. Неудивительно, что я отставала от Джоша. Я всегда хотела невозможного: поехать в Бразилию, чтобы стать известной танцовщицей (при том, что в танцевальной школе меня ставили в последний ряд), выйти замуж за рок-певца (хотя на концертах у меня слезились глаза от сигаретного дыма), организовывать морские круизы (а саму начинало тошнить еще в порту).

Джош и Мерил даже встретились «не случайно»; казалось, хэппи-энд им просто гарантирован. На последнем курсе Мерил с подружками устроила вечеринку на Хэллоуин. Джошу нравилась ее соседка по комнате, и он пришел ради нее, в костюме лягушки. Хотите верьте, хотите нет, но Мерил нарядилась принцессой. (Надеюсь, все помнят, что в сказке лягушка превращается в принца, если ее поцелует принцесса.) Джош рассказывал, что с самого начала понял, что недостойн такой девушки, как Мерил, но она только что рассталась с парнем, потому что он не приехал к ней на праздники из другого города. Мерил весь вечер просидела в ванной. И Джош просидел с ней. Рассказывая о знакомстве, они никак не могли договориться, когда именно она порвала с бывшим: в день вечеринки или накануне, как будто это самая интересная подробность их встречи: «Уж я-то знаю, это я с ним порвала!» На мой взгляд, гораздо интересней было то, что весь вечер кто-то ломился в ванную и в конце концов не выдержал и наблевал на пол. А Джошу эта подробность не нравилась. Отвратительно, говорил он.

Единственная странность в их отношениях, опять-таки на мой взгляд, заключалась в том, что они долго тянули со свадьбой. Их друзья уже переженлись, сами Джош и Мерил поселились вместе в Лос-Анджелесе, но «узаконить отношения» так и не спешили. Это слова Джоша, не мои. Мерил говорила, что не торопитесь, потому что насмотрелась на свадьбы по работе и не понаслышке знает, какое это крупномасштабное мероприятие.

Когда они наконец решились, Мерил действительно хотела устроить все скромно: пригласить только близких и ограничиться свадебным шатром во дворе у моих родителей. Именно во дворе у моих родителей. На этом Мерил настаивала больше всего. Ситуация в ее семье сложилась непростая; может, поэтому Мерил и не хотела шумихи. Ее приемные родители, Бесс и Майкл, были очень обеспеченными, их особняк занимал полквартила на Манхэттене, а о биологических известно было мало, пока Мерил не разыскала их несколько лет назад. Оказалось, они уже много лет живут на Озаркском плато в Массачусетсе, где преподают социологию в маленьком местном колледже. Возможно, они и не спускались с гор, пока дочь не позвала их в Нью-Йорк на свой свадебный уик-энд. Да-да, целый свадебный уик-энд.

Как так получилось, что скромная свадьба для своих разрослась в двухдневное торжество? Никто не знал. По-видимому, Бесс воспользовалась случаем сделать дочери подарок. Триста приглашенных, коктейли, безумно дорогой ананасовый торт и десять музыкантов. Место проведения: бальный зал в «Эссекс-Хаузе», фешенебельной гостинице у Центрального парка.

Тогда моя мама решила устроить еще и предсвадебный прием, возможно, чтобы дать «детям» то, чего они хотели изначально. На завтра у нас во дворе был назначен банкет на пятьдесят человек.

А сегодня, после салюта, в местном баре Джоша ждал еще и мальчишник, который организовала я, потому что не знала, как еще загладить вину за то, что не остановила Бесс, ведь в отличие от Джоша и Мерил я могла съездить в Нью-Йорк и вмешаться. Правда, Джош меня ни в чем не винил: Мерил запретила ему меня трогать. Она-то понимала, почему мне все еще тяжело бывать в Нью-Йорке. Мерил поддерживала меня, тогда как остальные, включая Джоша, настаивали, что мне давно пора вернуться к «нормальной жизни».

Мерил. При мысли о ней я запаниковала и посмотрела на брата. Мне хотелось, чтобы он все объяснил и снял груз у меня с плеч.

– Джош, что ты собираешься делать?

Он не ответил, даже не шелохнулся. Я попыталась успокоиться: незачем давить, Джошу и так несладко, ему нужна поддержка, но меня злило его безразличие, ведь речь шла о *его* жизни, о нем и Мерил. Они вместе почти десять лет. Это целая вечность. В тот раз у бассейна я обгорела на солнце, сильно покраснела кожа на подъеме стоп. Мерил сделала мне ванночку из овсяных хлопьев с уксусом и сидела со мной, пока все не прошло.

– Джош, пойми, я на твоей стороне. Просто хочу убедиться, что ты понимаешь, что с тобой происходит. Ну, ты знаешь, перед свадьбой у многих бывает мандраж, сомнения. Вспомни, сколько фильмов начинается со сцены, когда жених или невеста при виде алтаря вдруг срывается с места и улепетывает!

От Джоша ни звука. Да он заснул! Грудь мерно вздымается, глаза плотно закрыты. Я пихнула его в бок.

– Что? Что случилось? – подскочил он.

Я разозлилась. Сижу тут, ломаю голову, а он себе дрыхнет!.. Правда, Джош всегда такой, это его главный защитный механизм. Когда возникают проблемы, одни бегут, другие притворяются, что ничего не происходит, Джош – спит. Или... Или на этот раз проблема кажется ему недостаточно серьезной.

– Джош, ты собирался домой.

– И? – Он смотрел на меня, не понимая. – Ты готова?

– Да, давно.

Мысли о Джоше и Мерил часто возвращали меня к нам с Мэттом. Я не раз замечала, что отношения у их пары складывались во многом так же, как у нас. Или, скорее, у нас с Мэттом отношения складывались во многом так же, как у Джоша и Мерил. К примеру, мы с Мэттом встретились в тот же день, только на год позже. Я знаю дату наверняка, потому что мы познакомились тоже на Хэллоуин. Тогда я удивилась такому совпадению, но позже не раз слышала, что кто-то познакомился или расстался на Хэллоуин.

Складывается впечатление, что подобные вещи происходят в канун Дня всех святых не просто так. Может, людям проще быть собой, нарядившись кем-то еще? Не зря с Хэллоуином связано столько поверий и гаданий. Девушки нанизывали яблоки на прутик и держали над костром. Чье яблоко упадет первым, та выйдет замуж раньше всех, и ее брак будет самым счастливым и долгим. У той, чье яблоко останется на ветке, семейная жизнь будет тяжелой. Судьба будущего брака беспокоила и парней. Нарядившись в карнавальный костюм, они проползали под кустом ежевики в надежде услышать предсказание духов.

Видно, судьба отношений всегда зависела от того, что скажут духи.

Мы с Мэттом встретились, когда я была в выпускном классе. Я хотела уехать учиться в Калифорнию: солнце, жара, океан, открытые спортивные автомобили. Оттуда Нью-Йорк кажется экзотикой и скукой смертной. Я думала, что в Калифорнии я встречу исключительно необыкновенных людей и вкушу настоящей жизни, не то, что в Скарсдейле.

Тем не менее в тот Хэллоуин я была еще в Скарсдейле. Я стояла у вокзала рядом с телефоном-автоматом, в джинсах, коротком свитере, с хвостиком. Ушла с вечеринки прогу-

ляться и заодно заглянула в магазин. Я хотела позвонить друзьям, чтобы меня с литрами газировки забрали, но тут увидела Мэтта. Он стоял у входа на вокзал в штанах хаки и белой футболке, забрызганной краской. Пятна были и на лице. Он задумчиво курил, не глядя в мою сторону. Ничего прекрасней я в жизни не видела. Я повесила трубку.

– Эй, ты кто будешь? Художник? – крикнула я ему.

Мэтт посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся широкой солнечной улыбкой, но тут же посерьезнел.

– А ты кто? Училка старших классов?

Как и я, Мэтт не был ряженым. В тот день он помогал отцу красить дом. Их семья только переехала в Скарсдейл, к тому же недавно родился братик, вот Мэтт и приехал помочь с ремонтом, а к вечеру собирался вернуться в Нью-Йорк, где учился на первом курсе. Он хотел стать архитектором. А еще он дополнительно специализировался в натюрморте.

Позже выяснилось, что Мэтт пошел со мной на вечеринку только потому, что пропустил свой поезд на Нью-Йорк, а до следующего оставался еще час. Я не обиделась, услышав такое признание. Это ему было удивительно, что мы так быстро начали встречаться, а я ни о чем не думала. Мне было важно лишь то, что этот загадочный парень поднял бутылки с газировкой и сказал:

– Хорошо, я пойду с тобой. Только скажи куда.

Праздничное воодушевление исчезло. На парковке все сигналили и старались вклиниться первыми. Орала на подростков, которые надолго заблокировали движение: их внедорожник заглох у самого выезда с парковки. Наконец, через полчаса, знак «Добро пожаловать в муниципальный бассейн» остался позади. Мы ехали в моей машине, за рулем сидел Джош.

От бассейна до нашего дома десять минут по Мамаронек-роуд. Справа футбольные поля, слева – жилые дома с серебристыми подъездными дорожками и живой изгородью. Теперь все казалось чужим и излишне броским, как в кино. Навороченные машины, почтовые ящики с подсветкой... Я помнила Скарсдейл другим. Раньше жили более скромно, экономили. Может, не все. Может, я что-то забыла или не замечала, но собак раньше точно выгуливали сами, а не нанимали посторонних.

Мое детство в Скарсдейле было и счастливым, и не очень. В те времена спорт был главным способом отличиться, а мои спортивные успехи, мягко говоря, не впечатляли. У меня не было особых увлечений, я все делала без энтузиазма, считая, что самое интересное ждет где-то впереди.

Интересного в Скарсдейле мало, разве что дорожные указатели на каждом шагу. «Стоп», «Опасный поворот», «Внимание, утки!», «Не парковаться за углом», «Впереди знак "Стоп"», «Держи дистанцию 30 метров». На каждом шагу указания, как жить. И как не жить.

– Ты заметила, как тут стало аляповато? Повсюду эти терракотовые статуэтки. Как будто все сговорились.

– Ха, Джош, ты тоже говоришь «терракотовый»?

– А сегодня я видел потрясающую сцену, – продолжил он, не обращая внимания. – Какая-то женщина с ярко-красными волосами кричала знакомой через всю улицу, чтобы та купила ей рогалик с изюмом, главное, пусть изюм ей оттуда выковыряют: слишком калорийный.

– Джош, диетические завихрения встречаются где угодно, не только у нас.

– Да, но я-то видел у нас.

Впереди по правую сторону появился родительский дом. Слава богу, хоть он не изменился: белый, в викторианском стиле, два этажа, зеленые ставни, балкончики, опоясывающая веранда, декоративные растения. Лужайка за домом круто поднималась вверх на пригорок. А в детстве я думала, что это настоящая гора.

Левый поворотник не переставал мигать уже несколько минут.

– Доворачивай руль сильнее, а то поворотник никогда не заглохнет, – посоветовала я.

Джош так и сделал, и поворотник угомонился.

– Слушай, нельзя так ездить, давай заглянем в мастерскую к Билли, на выходных он работает до полуночи.

Часы на приборной доске показывали 10:48. Уже полчаса как Джош должен был веселиться на мальчишнике, но в таком настроении ему, наверное, лучше было вовсе не ехать.

– Может, скажешь, что заболел? – предложила я.

– С какой стати?

– Ни с какой. – Я могла сходу привести десяток причин, главная из которых – его сомнения, стоит ли жениться.

– Эмми, не надо раздувать из мухи слона. Я люблю Мерил. У нас все серьезно, и я не испорчу ей праздник.

– Да, но если ты сомневаешься, стоит ли жениться...

Джош выключил зажигание.

– Кто сказал, что я сомневаюсь, стоит ли жениться? Я этого не говорил. Ты за кого меня принимаешь, а?

Это я пропустила мимо ушей.

– Маме ничего не говори, – продолжил он. – У нее и так забот хватает. Завтрашний ужин, гости. Ты меня поняла?

Нет, я ничего не поняла. Я не понимала, как можно говорить о предсвадебных хлопотах после того, что он сказал на салюте.

Джош вышел из машины, и я поспешила за ним.

– Не нужно было тебе рассказывать, – бросил он, не оборачиваясь. – Больше не производи ее имя.

– Ее – это чье?

Джош недовольно поморщился и уставился в землю. Его ноги по сравнению с моими выглядели просто огромными. Старший брат, это он всегда обо мне заботился. *Всегда*, даже когда ему не хотелось. Каждый день водил меня на автобусную остановку, оставался со мной, когда взрослых не было дома, учил играть в кикбол¹, обманывать родителей (жалкие уловки, но все же), водить машину. Теперь забота нужна Джошу, это он нуждается во мне. Впервые в жизни.

– Я знаю, ты не заговорил бы об этом, если бы тебе действительно было все равно, – заявила я.

Джош взял меня за руку.

– Давай больше не будем об этом, ладно? Разве ты не хочешь, чтобы мы с Мерил поженились? Разве не это хэппи-энд?

– Джош, чего я хочу, неважно.

Ответа не последовало, и я добавила:

– Я просто пытаюсь понять, что с тобой происходит.

– Знаешь, я сам разберусь, как-нибудь на досуге, а сейчас голова другим занята. – Джош скорчил злобную улыбку и направился к дому.

За три года в Наррагансетте я приезжала к родителям всего дважды и ни разу не задерживалась надолго: не хотела душевных разговоров на ночь и вопросов, из-за которых придется в очередной раз оправдываться, почему я живу в рыбацком поселке. Меня не слышали.

---

¹ Кикбол – популярная в Штатах игра, в которой пинают резиновый мяч, зарабатывая очки по правилам, принятым в бейсболе.

А я не слушала их. Меня уговаривали вернуться в Нью-Йорк, восстановиться в киношколе или поступить в другое место. В общем, вести «нормальную жизнь». Для них это много значило. Бросай свой Род-Айленд и начни нормальную жизнь. А я не собиралась бросать Род-Айленд, по крайней мере, в обозримом будущем. Там я чувствовала себя спокойно. Там от меня ничего не ждали, не требовали.

Мне нравилось, что в Наррагансетте можно было поставить жизнь на паузу, отбросить все ожидания. Так делали многие жены рыбаков. Они считали, что в другом месте им жилось бы лучше, но ничего не предпринимали, как будто жизнь в неудовлетворительной действительности могла их чему-то научить. У Сью № 2 все было бы хорошо в Монтане, у Николь № 4 – в Мичигане, у Терезы № 1 – в Неваде, у Бет № 3 – в Аризоне...

Родителям было трудно привыкнуть, что я навещаю их так редко. Особенно сложно приходилось матери, хотя она звонила мне каждый день, да, каждый день, еще со времен колледжа. Постепенно она примирилась с компромиссным решением: два раза в месяц мы встречались в кафе на полпути между Скарсдейлом и Наррагансеттом, обычно в Хартфорде или Вестпорте. Новый ритуал всех успокоил, так было проще делать вид, что наши дороги еще не разошлись.

И все же я скучала по дому. Пусть мои школьные годы в Скарсдейле и не были самыми приятными, зато я по-настоящему любила наш дом, особенно свою комнату. В ней почти ничего не изменилось с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, и детскую переделали в комнату для взрослой барышни. Никаких обоев в цветочек или малинового ковролина – нежно-желтые стены, золотистый тюль, круглые коврики и много-много картинок и фотографий.

На первом этаже перегородок не было, и кухня плавно перетекала в столовую, столовая – в гостиную. Днем там было очень светло. Солнце заглядывало в окна по кругу до самого вечера.

На скамейке у входа кто-то лежал. Джейми Дэниэл Бэррингер. Лучший друг Джоша с тех пор, когда меня еще не было на свете. Длинный, худощавый, с копной светлых волос и вечно юным мальчишеским лицом. Невероятно красивый. С такими обычно страшно заговорить. Только не с Бэррингером. Когда его получше узнаешь, с ним очень легко.

Бэррингер всегда заявлялся к нам запросто. И теперь так же. Даже миска с хлопьями снова при нем. Он ел одни хлопья. Поразительно, как с такими предпочтениями он стал шеф-поваром в очень известном французском ресторане в Калифорнии.

– Как думаешь, он спит? – прошептала я.

Бэррингер попытался сохранить серьезное лицо, однако на секунду выдал себя. Джош приложил палец к губам и кивнул мне, чтобы я подыграла.

– Кажется, да, – ответил он, а я тем временем подкралась к Бэррингеру и осторожно присела рядом, но только наклонилась – лицо к лицу, грудь к груди, – Бэррингер резко встал и мы столкнулись. Лбами.

– Ай! – возмутилась я.

– Сама ай! – ответил он, потирая лоб и довольно ухмыляясь. Интересно, как ему удалось не выронить миску.

Тут Бэррингер посмотрел на меня внимательней, и его лицо застыло.

– Эмми, – сказал он, прижимая ладонь к груди. – Ого!

Я проверила, нет ли у меня на лице кетчупа или других пятен. Джош такое не замечает и, конечно же, не предупредил.

– Что? Что-то на лице? – спросила я.

Бэррингер немного отодвинулся.

– Ты просто... выглядишь иначе.

Я почувствовала, что он говорит искренне, и на сердце потеплело. С нашей последней встречи, которая была еще до Род-Айленда, прошли годы. Я знала, что изменилась. Стала стройней, крепче с виду, отрастила копну вьющихся волос.

Невольно покраснев от удовольствия, я начала благодарить Бэррингера, но он перебил:

– Выглядишь как раз на свой возраст.

– Это я-то на свой возраст выгляжу?

– Ага. – Бэррингер провел пальцем по моей щеке, по-видимому, усмотрев морщинки вокруг глаз, и спросил Джоша: – Слушай, если твоя младшая сестра выглядит такой старой, то мы с тобой тогда на что похожи?

Я рассерженно оттолкнула его руку.

– Спасибо за комплимент!

Джош расхохотался. Я гневно смотрела то на одного, то на другого. Оба хохотали!

– Отлично, – заявила я, вставая.

– Эмми, да ладно, – сказал Джош. – Он просто пошутил. Он не хотел тебя обидеть.

– Правда-правда, – повинился Бэррингер. – Ты замечательно выглядишь. Я тебя даже не узнал сначала.

Так-то лучше.

– Бэррингер, мне все равно, что ты думаешь, – заявила я. Хотя мне было не все равно. Немного.

Бэррингер, наверное, это понимал, ведь я много лет была в него влюблена, пока он не уехал учиться. Я носила брекеты и при нем старалась не раскрывать рта, как будто проблема была в зубах. Одевалась, как девчонки постарше, выпрямляла волосы. Все надеялась, что однажды он приедет и увидит, что я изменилась, что я уже не маленькая.

Теперь еще вопрос, кто тут ребенок.

– А что у тебя с рыболовным магазином? Рыбаком заделалась? – поинтересовался Бэррингер.

Я застыла у двери и уставилась на брата, однако он старательно смотрел в сторону. Мне хотелось объяснить, что я не просто там работаю, но кто знает, что Джош про меня наговорил? Вряд ли он стал вдаваться в детали, что на самом деле я могу многому научиться у жен рыбаков и сделаю стоящий глубокомысленный проект.

– Знаешь, сейчас не самый подходящий момент меня подкалывать, – сказала я. К чему хвастаться фильмом, если за эти годы я так ничему не научилась и не извлекла никакого глубинного смысла.

– Я тебя не подкалываю, – серьезно ответил Бэррингер. – Мне просто интересно, чем ты занимаешься.

– А не мог бы ты поинтересоваться этим немного позже? Я хочу поздороваться с мамой.

– На твоём месте я бы туда не спешил.

– А в чем дело? – оживился Джош.

– У вас в подвале сидят Мойниганы-Ричардсы.

Джош застыл. Его будущие родственники – еще те чудаки, с ними было бы непросто и в более мирное время, не то, что сейчас. Со спины их можно было перепутать, мужа принять за женщину и наоборот: у профессора Мойнигана-Ричардса длинные волосы и тонкие стройные ноги, а у миссис М-Р – мужская стрижка и потертая кожаная куртка, которую она, похоже, никогда не снимала.

– У них были проблемы с парковкой, – пожал плечами Бэррингер. – Рядом с домом родителей Мерил цена оказалась заоблачной, около трехсот долларов за выходные. Поэтому профессора и заявили на своем автофургоне. Приехали всего на пятнадцать минут раньше вас. По-моему, вашей маме немного не по себе.

Последние слова он произнес, словно извиняясь, и я заподозрила, что ему что-то известно про Джоша. Конечно, Бэррингер знал больше меня. Например, фамилию Элизабет. Где она живет. И к чему все это клонится.

Джош поднялся, но я замахала на него:

– Сиди. Я сама посмотрю, что там происходит.

– Точно?

– Точно, точно.

Бэррингер смотрел на Джоша с таким беспокойством, что я тут же простила шутку про возраст. Я бы все ему простила, если бы он смог помочь Джошу.

– Бэррингер, тебе принести пива?

– Да ладно, обо мне не беспокойся, – улыбнулся он.

– Я и не беспокоюсь.

Он снова улыбнулся.

– Тогда неси.

Я улыбнулась и постучала по косяку. Может, все еще будет хорошо. Может, парни еще что-нибудь придумают. Бэррингер – старинный друг, он должен найти подходящие слова. К сожалению, закрывая за собой дверь, я услышала их дальнейший разговор.

– Мерил ведь с ними не приехала? – выдал Джош.

– Нет. По крайней мере, я ее не видел.

– Слава тебе господи хотя бы за это.

Я не раз задавалась вопросом, зачем устраивают большие свадьбы, и пришла к выводу, что в дни торжества участники как бы переносятся в прошлое. Разве не об этом все тосты? Мы выкапываем забавные и очень личные истории, ворошим старые чувства, спешим поделиться своими воспоминаниями. Оживляя прошлое, нам легче проститься с близким человеком, отпустить его от себя в свободное плавание.

Я знала, что на моей свадьбе (а может быть, еще и на этой) мама обязательно расскажет одну историю про меня. Когда мне было лет семь, я заявила маме, что хочу выйти за нее замуж. Мама объяснила, что я не могу выйти за нее замуж, потому что она моя мама. На это я, конечно же, ответила: «Тогда я выйду за папу», – и получила еще один отказ. Тогда уже без особой надежды я спросила, можно ли мне выйти за Джоша. Мама объяснила, что так тоже не пойдет, и у меня началась настоящая истерика: «Ты что, хочешь сказать, что когда-нибудь я вырасту и выйду замуж за совершенно незнакомого человека?!»

Я слышала эту историю много раз. И я, и мама очень любили ее. Эта история напоминала мне самое важное про маму. (Сэди Мередит Эверетт, родилась в 1949 году в г. Ридинг, штат Коннектикут, бывшая учительница, известная в семье как «Непреклонная дева».) В истории ей нравился не конец, где я заявляю, что не хочу выходить замуж неизвестно за кого, а начало, где я выбираю в первую очередь ее.

За кухонным столом мама укладывала на блюдо горы крекеров, фруктов и сыра; еды хватило бы человек на десять. Я остановилась на нее посмотреть: гладко зачесанные волосы, острые скулы, маленькие локотки, шелковый халат. Не изменилась. Я тихонько подошла и обняла ее за плечи. Мама была такой маленькой, хрупкой, я всегда боялась раздавить ее нежные жемчужные косточки.

– Они улеглись спать внизу, прямо в спальнях мешках, – сказала она. – От моих одеял отказались... Я не хочу об этом разговаривать.

– Конечно, – ответила я, уткнувшись ей в плечо.

– И все-таки это очень странно, – пробормотала мама в растерянности, и стало заметно, что она очень устала. – Он не дает ей и слова сказать. Стоит ей раскрыть рот – и он смотрит на нее, как на больную.

– А причем тут твои одеяла?

– Она точно хотела взять одеяло, но он не позволил.

Я обняла маму посильнее и встала напротив, через стол. Я не сводила с нее глаз, опасаясь, что она начнет спрашивать о салюте, и тогда все станет ясно по моему голосу. Мама отложила нож и пристально на меня посмотрела.

– Что происходит? Я чувствую, как ты на меня смотришь.

– Ничего я не смотрю.

Я ответила слишком быстро. Ну а что еще я могла сказать? «Я смотрю на тебя так, потому что на салюте Джош ни с того ни с сего заявил, что любит не только Мерил, а я той женщины даже не знаю. Интересный поворот событий, не правда ли?»

– Я такие вещи чувствую, – сказала мама, вновь нарезая фрукты.

Я отрицательно помотала головой и стала лихорадочно думать, куда бы увести разговор. Первым делом на ум пришел мой документальный фильм – тридцать мини-видеокассет у меня в багажнике. Я хотела оставить их в Наррагансетте, но потом испугалась, вдруг без меня случится пожар и мои труды пропадут (все кассеты – в единственном экземпляре). Я понимала, что страх иррациональный, однако ничего не могла поделать. В конце концов, я покидала тот дом с ночевкой впервые за три года, и страхи, будто в мое отсутствие все развалится, казались почти обоснованными.

– А я привезла записи с женами рыбаков. Хочу вам все показать, – выпалила я, пока не передумала.

Может, показать записи домашним – не такая уж и плохая идея. Может, они наконец поймут, зачем я снимаю этот фильм, – и я вместе с ними.

– Не сегодня, Эм. Папа уехал на мальчишник.

– Что?

Мама пожала плечами.

– Поехал, чтобы представлять сторону жениха: встречать гостей и все такое. Вы же задержались.

Да, задержались, но я понятия не имела, что из-за этого отец поедет на мальчишник. Я попыталась представить, как он там справляется в одиночку: заказывает выпивку, развлекает гостей – и каждые пару минут звонит жене, чтобы узнать, что делать дальше.

– Между прочим, – продолжила мама, не поднимая взгляда, – тебя сегодня кое-кто спрашивал и очень сильно расстроился, что тебя нет дома.

– Ты о ком?

Кто мог зайти? Я никому не говорила, что приеду, я перестала общаться со старыми знакомыми. Не потому что они сделались врачами, адвокатами и банкирами, а потому что они жили «правильно», а я – нет. Я просто жила, без всякой цели и смысла.

Мама выразительно отложила нож.

– Я про Джастина Сильвермана. *Джастина Сильвермана!*

Я «встречалась» с Джестином, когда нам было лет тринадцать, и нам еще не разрешали ходить в кино и кафе без сопровождения взрослых. Мама любила нас подкалывать: «Не понимаю, как можно встречаться, если вы не ходите на свидания?» Я собиралась напомнить ей об этом, если она не прекратит возлагать надежды на Джестина.

– К нам заходил Джастин Сильверман? Чего он хотел?

– Заходила мама Джастина. Но неважно. Джастин закончил юридический факультет Северо-Западного университета одним из лучших в выпуске, и теперь он в Нью-Йорке!

Приехали. Впрочем, я подозревала, что мама будет вести активную пропаганду Нью-Йорка: мужчины, работа, возможности. Вот и первая попытка. Оперативно.

– Представляешь, на чем он специализируется? На интеллектуальной собственности! И знаешь, кому это может помочь? Тебе. Вот я и попросила Ивлин привезти его к нам завтра на прием – чтобы вы пообщались.

– Мам, ну зачем?!

– Эмми! *Потому что*. Джастин теперь в Нью-Йорке.

– А он знает, что я больше не в Нью-Йорке?

Мама отложила яблоко и пригвоздила меня строгим взглядом.

– Неужели так сложно пять минут поговорить со старым знакомым? Ивлин говорит, он стал настоящим красавцем.

– Еще бы. Она его мать.

– Значит, она знает, что говорит.

Я недовольно скрестила руки на груди. С мамой спорить бесполезно. Не припомню ни одного случая, когда удалось бы ее переубедить. К счастью, вошел Джош. Он обнял ее со спины и поцеловал в щеку.

– Ты как?

Мама со вздохом пожала плечами, повернулась к нему и просияла. Джош расплылся в ответной улыбке, и они стали похожи, как две капли воды. Детский носик, карие глаза, нежная кожа. Накатило до боли знакомое чувство, что мама любит брата больше, потому что они похожи. Теперь от этого было легче.

Бэррингер появился на пороге, футболка мятая, из-под джинсов выглядывают трусы. Мне захотелось провести пальцем по резинке.

– Джейми меня просто спас, – сказала мама, вытирая руки о халат. – Если бы не ты, они остались бы ночевать в своем фургоне.

– Ко всем можно найти подход, – улыбнулся Бэррингер.

– И ты находишь? – спросила я. Он не отвел взгляда, но и не ответил.

Глядя на нас, Джош заявил, что пора ехать на вечеринку, если, конечно, мы не хотим поздороваться с будущими родственниками. Мама покачала головой.

– Они, наверное, уже спят.

Мы посмотрели на блюдо с закусками.

– Там есть минихолодильник, – стала она оправдываться, хотя никто ей и не возражал. – Я отказываюсь это обсуждать.

Джош рассмеялся и кивнул мне.

– Ты готова?

Я подумала, что ослышалась.

– Что? По-твоему, я холостяк?

– Ну, ты ведь и не замужем, – показала на меня пальцем мама.

Я была в растерянности. Помогая с вечеринкой, я не подозревала, что придется в ней участвовать. Я думала, проведу тихий вечер в спальне своего детства, а наутро сонный брат скажет мне спасибо за рассылку креативных приглашений на его вечеринку.

– Эмми, стриптизерш там не будет, так что ты никому не мешаешь. Я очень хочу, чтобы ты пошла со мной.

Раньше Джош никуда не брал меня с собой. Сколько раз он захлопывал дверь у меня перед носом, а я подолгу стояла под дверью, надеясь, что на этот раз он согласится. И только в последние годы я стала ему нужна. Я еще не привыкла к этому.

Бэррингер сказал, что сядет за руль. Мы направились к выходу, но мама поймала меня за руку. Когда шаги остальных стихли, она прижала меня к себе и поцеловала.

– Знаешь, ты самая красивая во всем мире. – Она отступила на шаг и с улыбкой посмотрела мне в глаза. Потом бросилась приглаживать мне волосы и заправлять пряди за уши. – Так-то лучше.

В первый год знакомства мы с Мэттом на лето полетели в Европу. Мама поначалу слышать ничего не хотела: я никогда не была за границей. Обычно мы всей семьей путешествовали по стране. Мы побывали в Филадельфии, Вирджинии-Бич, Вайоминге. И всегда ездили только на машине. Иногда в пути мы проводили больше времени, чем на месте.

Как-то раз родители разрешили мне самой выбрать, куда мы поедем летом. Я посмотрела на карту и выбрала Лондон. Мне было лет семь-восемь, и я повторяла, что поеду только в Лондон, сколько отец ни объяснял, что Лондон находится не в Америке, что туда на машине не доедешь. В конце концов, я расплакалась и сказала, пускай, как всегда, выбирает Джош, я все равно ненавижу карты.

Из этой истории видно, как важно для меня было путешествие в Европу, особенно с Мэттом. Мама в конце концов смирилась с нашей затеей, потому что в Париже я должна была остановиться у Бэррингера – *мы* должны были остановиться у Бэррингера. Он учился в Институте кулинарии и проходил практику в ресторане известного отеля. Когда мы приехали к нему, самого Бэррингера на месте не оказалось. Нас ждала записка, что он в Англии, в гостях у родителей своей девушки: чувствуйте себя как дома, берите что хотите. На кухне было полно хлопьев.

Я тогда не знала, что Бэррингер и Наоми, его девушка, планируют пожениться и поехали сообщить об этом ее родителям. Наоми была старше Бэррингера на десять лет, но выглядела шикарно: длинные рыжие волосы, прозрачная нежная кожа, тонкие пальцы. Они познакомились в том самом ресторане, Наоми пришла туда поужинать. Мне рассказывали, что он сделал ей предложение в первый же вечер, на улице у выхода. Я не очень верила в эту историю, пока не услышала ее у них на свадьбе. История удивительного знакомства упоминалось раз двадцать, с неизменным рефреном: «Когда встречаешь свою судьбу, все становится ясно».

Свадьбу устроили в маленьком загородном отеле у Катоны, что в сорока километрах от Скарсдейла. Было это в декабре того же года, когда Бэррингер и Наоми познакомились, а мы с Мэттом летали в Европу. Джош был шафером. Я не хотела идти из-за экзаменов.

– И с каких это пор тебя волнует учеба? – резонно спросила мама.

Джош зачитал то самое стихотворение про розы, которое часто слышишь на свадьбах. Красивая Наоми была босиком.

Теперь Бэррингер – шафер у Джоша. Вспоминает ли он о Наоми? Думает ли о ней прямо сейчас? Я глянула на Бэррингера. Он пристально смотрел на дорогу и крепко держал руль обеими руками.

В Париже он проучился год, потом нашел работу в Нью-Йорке, устроился помощником шеф-повара на аллее ресторанов в Нижнем Ист-Сайде. Три года спустя, даже скорее четыре, Наоми сказала ему, что скучает по дому и хочет вернуться в Лондон.

Бэррингер нашел работу в Лондоне, однако не прошло и недели после переезда, как Наоми сообщила, что скучала она не по дому; оказывается, она не хотела больше быть замужем.

После этого о Бэррингере было слышно мало. Он работал где-то на севере Калифорнии – Санта-Фе, Нью-Мексико, Остин, потом вроде в Техасе. Джош иногда мне рассказывал о нем, но я была слишком занята собственными проблемами. Тем же летом, когда Наоми сказала Бэррингеру, что ему лучше уйти, Мэтт сделал мне предложение. Было это так. Я получила диплом, и мы поехали к моей родне в Саванну. По пути остановились на ночь в кемпинге у Шарлотсвилля, что в Вирджинии. Укладываясь спать, услышали у палатки шум. Мы испугались, что это медведь роется в мусоре. Медведь оказался енотом: видно, из-за текилы, неровного лунного света и игры теней бедное животное значительно выросло в размерах. Едва страхи и хохот из-за воображаемого медведя улеглись, Мэтт достал из сумки

кольцо и сказал, что не хочет ждать ни минутой больше. Он запланировал романтический ужин в Саванне, но не хотел ждать ни минутой больше. Знал ли об этом Бэррингер? Вряд ли.

Вряд ли знал он и о том, что как раз, когда мы жили в его квартире в Париже, мы впервые серьезно заговорили о совместной жизни. На следующий день после приезда мы пошли посмотреть на Эйфелеву башню. Мы были очень счастливы, и в какой-то момент Мэтт признался, что хотел бы всю жизнь вот так ездить со мной по красивым местам, что он счастлив во Франции уже оттого, что мне здесь хорошо. Я расплакалась, прямо у Эйфелевой башни, потому что он говорил искренне, и потому что рядом с ним я чувствовала то же самое еще с нашей первой встречи. Самой большой радостью для меня было то, что Мэтт рядом со мной счастлив.

Мне захотелось рассказать об этом Бэррингеру, только было непонятно, зачем.

– Ребят, а вы знаете кого-нибудь, кто счастлив в браке? – поинтересовалась я вместо этого и от неловкости вытянулась, как струна. – По-настоящему счастлив?

Джош обернулся, Бэррингер посмотрел на меня через зеркало заднего обзора.

– Просто подумала, – пояснила я.

Джош отвернулся.

– Подумай о чем-нибудь другом.

Бэррингер больше не смотрел на меня. Теперь он точно думал о Наоми. О ней и, может быть, о своей новой девушке, Сесилии или Хлое, или Каролине, я забыла имя.

– Извините, я лишь пытаюсь понять, почему, в какой момент начинаются портиться отношения. – Я тряхнула головой, понимая, что от моих объяснений лучше не становится. Ни им, ни мне. – Ладно, проехали. Глупый вопрос.

– Из школьной анкеты? – ядовито предположил Джош.

– Точно, как я не догадалась... А между прочим, в школе я обожала заполнять анкеты. Бэррингер посмотрел на меня в зеркало и улыбнулся.

– «Твоя любимая песня?» – спросил он. – Не сейчас, естественно. Тогда.

Я замотала головой, пытаюсь вспомнить, вернуться в то время и вспомнить, что же мне нравилось... Старшие классы, я пишу в чужой тетрадке, я уверена в своих ответах...

– «Lady in Red», наверное.

– «Lady in Red», – пробурчал брат, словно не веря.

– «Любимое хобби?» – не обращая внимания, продолжил опрос Бэррингер.

– Купаться.

– Купаться? – переспросил Джош и обернулся ко мне. – Только не говори, что ты так и писала. Сложно, что ли, написать софтбол? Танцы?!

– Я потом добавляла, что купаться в океане.

– Молодец, так держать, Эмми, – съязвил брат.

– Я тоже люблю купаться, в ванне, – поддержал Бэррингер.

Джош поднял руку, призывая его к молчанию. Брат всегда бесился, когда, по его мнению, я вела себя странно. Вряд ли он думал, что я его позорю, скорее боялся, что я попаду в дурацкую ситуацию, а он не сможет меня вытащить.

Джош опустил боковое стекло, и ветер ударил мне в лицо. Ему на переднем сиденье, наверное, дуло не так сильно.

– Теперь, когда ты живешь у океана, можешь говорить, что любишь купаться в ванне, – сказал Джош.

Если вы приедете в Скарсдейл в гости к подруге из колледжа или к родителями нового бойфренда, то скорее всего вас поведут в «Долину Хиткот»². Потому что других кафе или

---

² Долина Хиткот в конце двадцатого века была одним из крупных центров пивоварения в Новой Зеландии.

баров у нас нет. Действительно нет. «Долина Хиткот» – не самое популярное или приличное питейное заведение в Скарсдейле, это вообще единственное питейное заведение в Скарсдейле. Если бы вам захотелось чего-то другого, пришлось бы ехать в соседний городок, в Уайт-Плэйнз или в Нью-Рошель, эпицентр местных развлечений.

Нельзя сказать, что «Долина Хиткот» – плохое место. Заведение на самом деле отличное: три огромных полутемных зала с каминами, внизу – ресторан, наверху – бар. Дважды в год в баре не протолкнуться: перед Рождеством и Днем благодарения, когда выпускники приезжают с учебы к родителям. В остальное время народу в «таверне» мало. Сегодня бар был, как обычно, полупустой: в углу ужинала парочка разведенных, наверное, первое свидание, у телевизора разговаривал с барменом пожилой мужчина, у стойки две женщины под тридцатник пили шардоне.

В центре зала специально для мальчишника стоял большой овальный стол, безудержного веселья за ним не наблюдалось. По одну сторону сидели школьные друзья жениха – Марк, Тодд, Крис, по другую – друзья из колледжа и медицинского факультета, большей частью мне не знакомые. Большинство приглашенных или жили в Нью-Йорке, или прилетели на выходные, и родители Мерил разместили их в «Эссекс-Хаузе», той самой гостинице, где проходила свадьба. Заметив количество пустой посуды, я пожалела, что устроила мальчишник не в Нью-Йорке. С такими темпами все останутся ночевать у нас, вповалку с Мойниганами-Ричардсами.

При виде Джоша раздались восклицания:

– А вот и он!

Все встали и зааплодировали. Пока Джош здоровался с гостями, мы с Бэррингером стояли в стороне, чему я была несказанно рада, но тут меня заметил папа: Сэмюэль Бин Эверетт, уроженец города Саванна, что в штате Джорджия, ныне юрист, в юности – доброволец пожарной команды, аномалия ростом под два метра. К мальчишнику он подготовился основательно: надел строительный комбинезон, тяжелые башмаки и футболку с надписью «Мистер Мускул», которую Джош подарил ему несколько лет назад.

Папа окликнул меня со своего места во главе стола, и я помахала ему в ответ. Даже издали было видно, что он уже навеселе: лицо красное, глазки блестят. Он редко пил: мама была трезвенницей, и он, я так думаю, не хотел ее огорчать. Мама ни разу не прикоснулась к спиртному, по крайней мере, при мне. Иронично, что познакомились они в баре. Правда, дело было воскресным утром.

Родители любили рассказывать о том, как познакомились, – при любом удобном случае, не только на свадьбах. Их встреча была из разряда предназначенных судьбой. Утром первого января мама с подружкой Лидией сидели в холле гостиницы «Нью-Йорк Плаза» за парой безалкогольных коктейлей «Ширли Темпл». Идея зайти в бар принадлежала Лидии: нужно было убить время перед началом спектакля. Тут входит мой отец. Он вернулся в бар за газетой, и оказалось, что она завалилась под тот самый столик, за который сели подружки. Папа был в Нью-Йорке проездом по пути из Саванны, штат Джорджия, на один из островов у побережья штата Мэн, где он собирался работать пожарным и тренером школьной баскетбольной команды. Он попросил маму передать ему газету.

Мама утверждает, что ее ответ был для нее совершенно нехарактерным. Она пригласила этого южанина в драном комбинезоне и с хвостиком сесть к ним за столик: у него было детское лицо и ярко-синие глаза. Он обращался к ней «мисс» и совсем не походил на того молодого человека, за которого моя мама могла бы выйти замуж: он не был богат, не думал о карьере и даже не был евреем.

Папа тоже заказал себе «Ширли Темпл», а мама сбежала в туалет, закрылась в кабинке и зарыдала в отчаянии, что жизнь без этого парня будет не та.

Вернувшись за столик, мама сделала отцу предложение забыть свои планы и остаться с ней в Нью-Йорке: она родит ему детей, воспитает их в правильной вере, а он на ней женится. Или не женится, пусть только не уезжает.

– Эмми! – раздался зычный голос отца. – Что ты там стоишь? Иди сюда. Дай поцелую тебя, моя маленькая красавица.

Я терпеть не могла, когда он называл меня «маленькой красавицей». Это несправедливо: отец ростом метр девяносто три, а я – всего метр шестьдесят. Бэррингер ничего не заметил: он разговаривал со знакомыми по школе и, похоже, забыл обо мне.

Мы обнялись.

– Пап, что тут происходит?

– Меня прозвали мистером Мускулом, – ответил он, показывая на футболку. – Круто, правда?

– Да.

– Круто, – повторил он, поглаживая надпись.

Я передала мамино сообщение, что она собирается спать, и отец забеспокоился, как будто услышал упрек. Упрека не было. Просто они с матерью редко проводили вечера отдельно. Мои родители так сильно любили друг друга, что почти не расставались. Тридцать лет спустя. Я спрашивала Джоша и Бэррингера, знают ли они кого-нибудь, кто счастлив в браке. Передо мной был ответ. Мои родители. Единственная пара, сохранившая чувства за долгие годы. Мне хотелось возразить: «Но это же родители, они не считаются».

– Я лучше поеду домой, – засуетился отец.

– Не надо, мама просто сказала: «Передай отцу, что я накормлю Мойниганов-Ричардсов, а затем пойду спать». Больше ничего, честно. На западном фронте без перемен.

Отец с облегчением потер ладони.

– Так как насчет выпивки? – Он повернулся к остальным и надсадно прокричал: – Давайте еще по стаканчику, а, ребята?

Вставая, он споткнулся и смахнул со стола два пива. Я попыталась усадить его на место.

– Полегче, мистер Мускул. Давай лучше я.

– Спасибо, малыш. Совсем не умею пить. – Он погладил меня по щеке, его рука была теплой и влажной от алкоголя. – Как прошел вечер?

– Замечательно.

Папа внимательно посмотрел на меня, стараясь, чтобы я не заметила его беспокойства. У отца, как и у мамы, всегда жило беспокойство о благополучии детей. Как будто если у меня проблемы, то это он подвел меня.

Потом, что неудивительно, отец перевел взгляд на Джоша. Тот смеялся вместе с друзьями, сжимая и разжимая кулак. Наверное, шутили, что скоро Джош будет окольцован, и спорили, как пройдет первая брачная ночь.

Папа улыбнулся Джошу, словно успокоившись, что все хорошо. Мне захотелось вывалить ему всю правду: на самом деле все не так просто. Но я знала, что отец не справится с такой новостью. Как и Джош, он боялся огорчить других, и сильнее этого страха был только страх за своих детей. Сочетание этих страхов разорвет его на части. Пусть лучше не знает.

– Мерил и Джош – замечательная пара! Ведь Мерил сделает его счастливым? – чуть не умоляя, спросил он.

Отец смотрел мне прямо в глаза, и я погладила его по голове.

– Наверное, пап.

Я не заметила, кто сидел у барной стойки. Конечно, мне было не до этого, но как я могла не узнать эти две идеальные прически за бокалом шардоне? Следовало сразу понять, что

это Стейси Морган и Шейла Бет Гоулд, неразлучные подружки со времен школы. За десять лет они стали еще более ухоженными и неразлучными. Когда-то мы считались друзьями: бывали на одних вечеринках и сидели в столовой рядом – принадлежали одному кругу, так сказать. Теперь мне нечего было делать рядом с ними: вечно образцовые и уверенные в эксклюзивности своего существования, они не поймут моих «киношных увлечений» и «жизни среди рыбаков». Нас связывал только Мэтт. Без перспективных отношений, перспективной работы и других параметров «нормальной жизни» я для них неудачница.

Я попыталась улизнуть, пока меня не заметили, но было поздно – тенденция того вечера.

– Господи, Эмми Эверетт!.. – воскликнула Стейси и удержала меня за руку. – Шейла, погляди сюда! Это же Эмми Эверетт! Просто не верится. Как поживаешь, подруга?

– Привет, Стейси. – Я наклонилась вперед и похлопала ее по плечу. Вышло отвратительно, как будто я не захотела ее обнять. Лучше бы я вообще ее не трогала. – Привет, Шейла.

– Что ты тут делаешь? – спросили они хором.

Я улыбнулась, выигрывая время, чтобы собраться с мыслями. Ничего страшного, мне не должно быть неловко. Нужно просто поддержать разговор, он когда-нибудь закончится.

– У Джоша сегодня мальчишник, – оживленно ответила я.

– Точно! – воскликнула Стейси. – Твой брат женится, вспомнила! Мне мама говорила. – Стейси бросила взгляд в сторону Джоша. – Как по-твоему, поздно признаваться, что в школе я была от него без ума?

– Кто знает, попробуй.

Стейси посмотрела слегка ошарашенно, и Шейла пришла на выручку:

– А мы собирались на пляж в Хэмптонз, – широко улыбаясь, пояснила она. – Но застряли здесь. Пока доехали сюда за машиной, стало слишком поздно. Ну, ты знаешь, пробки. Вот мы и решили: останемся на ночь в Дейле, а на пляж поедем завтра с утра пораньше. Вообще не стоило сюда ехать, лучше бы сразу сели на маршрутку в центре, давно бы уже были на месте.

– Если бы да кабы... зато в Хэмптонз будете на машине.

– Зато будем там на машине, – повторили они, как эхо.

Я подозвала бармена.

– Еще текилы за тот столик.

Стейси и Шейла подождали, пока официант уйдет, как будто ему было интересно, о чем мы разговариваем, как будто он специально остался послушать. Даже я бы не осталась, но у меня не было выбора.

– Ну? Как поживаешь? Что нового? В последний раз, когда мы виделись, мисс Эмми, ты собиралась замуж. Ты же у нас ранняя. Я-то планировала сначала сделать карьеру, но все чаще встречаются придурки, которые «не готовы к серьезным отношениям», пока вокруг полно других сисек, и я уже начинаю жалеть, что, как и ты, не остепенилась рано. У меня, конечно, есть парень, но он далеко не супер, хотя и работает в самой большой юридической фирме Нью-Йорка. Да и я в его глазах тоже не топ-модель. Зато мне есть с кем чистить зубы. Помнишь то шоу, как там оно называется? Там еще была блондинка, и она сказала, что от жизни ей надо всего лишь, чтобы было с кем чистить зубы? Ну ладно, чего жаловаться... Лучше расскажи, как твои дела. Как зовут твоего мужа? Мэтью? Он ведь учился на архитектора? Давай, выкладывай. Как живется замужем? За креативным архитектором?

Стейси сделала паузу, чтобы перевести дыхание, и я поняла, что тоже не дышала во время ее тирады. Меньше всего на свете мне хотелось опровергать ее предположения. Она выглядела такой самодовольной, она только притворялась, что боится не выйти замуж. Ее вполне устраивало, что она в его глазах не самая крутая телка, да и он тоже «так себе», хоть и работает в самой большой фирме Нью-Йорка. Ее жалобы были наигранными. Что бы я ни

сказала, Стейси только лишний раз убедится, что она самая лучшая и что у нее все лучше всех.

Я поправила волосы, собираясь с духом.

– Вам, наверное, лучше спросить тех, кто действительно замужем, – ответила я, пожав плечами. – Я не вышла замуж.

– О боже, Эмми, мне так жаль. – Шейла сочувственно коснулась моей руки. – Мне правда жаль.

– Да ничего страшного, – попыталась я отделаться.

– Конечно-конечно, – сочувственно проговорила Стейси, и Шейла закивала головой, сочувственно вытаращив глаза. – В жизни всякое случается. Жизнь непредсказуема! Главное – жить в настоящем. Кстати, чем ты сейчас занимаешься?

– Работаю в магазине рыболовных товаров в Род-Айленде.

– Вот как, – сказали они хором и переглянулись.

Бармен поставил передо мной поднос с текилой.

– Ну ладно, отнесу этот заказ и мигом вернусь за следующим, – сказала я.

Подружки снова переглянулись и расхохотались, пожалуй, слишком громко. С другой стороны, а чего еще я хотела в ответ на неудачную шутку? Или на жалкие подробности своей жизни?

За столом отец рассказывал о Джоше. Я поставила поднос и тихо села рядом с Бэррингером. Он мельком улыбнулся мне и отвернулся слушать моего отца. Я застала только конец истории: речь шла о первом бейсбольном матче за университет. За всю игру Джош не дал противникам ни одного очка, но на последней подаче его команде забили хоум-ран. Отец заканчивал историю словами:

– Джош подскочил к беттеру, выхватил у него биты и сломал об колено. Джош думал, что она набита пробкой, раз мяч улетел так далеко.

Все рассмеялись. А мне было невесело. Неужто все мальчишники такие искрометные?

– Друзья детства? – спросил Бэррингер, наклонившись ко мне.

Я пожала плечами и отпихнула его, чтобы взять с подноса текилы.

– Какая тебе разница?

– Ты расстроена.

Не отвечая, я опрокинула в себя текилу и потянулась за новой. Я хотела спросить, помнит ли он Стейси и Шейлу, рассчитывая на то, что он не помнит и что мне станет от этого легче, однако Бэррингер наклонился ко мне и прошептал на ухо:

– Некоторые, узнав, что я шеф-повар, меняются в лице и спрашивают, что же я люблю готовить. Если бы я сказал, что готовлю очень сложные блюда, например, утиное магре под апельсиновым соусом, или перепелов с трюфелями, или фуа-гра и так далее, им бы это понравилось. Им было бы приятно слышать о такой карьере.

– И что же ты им отвечаешь?

– Арахисовое масло. Желе.

Я рассмеялась и почувствовала легкий трепет: его были губы очень близко от моего лица. Я отклонилась назад и посмотрела ему в глаза.

– Бэррингер, а не хочешь ли ты мне кое-что рассказать?

– Да что угодно, – ответил он с улыбкой.

– Ты видел Элизабет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.